

УДК 82.02(091)

**И. С. ТУРГЕНЕВ И П. МЕРИМЕ.
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКИХ КОНТАКТОВ****И. В. Карташова**Тверской государственный университет
кафедра истории русской литературы

В статье показано удивительное сходство новеллы Мериме «Il vicolo di m-ma Lucrezia» и повести Тургенева «Три встречи». Это сходство остается литературоведческой загадкой. Не исключено, что его можно объяснить творческим сомыслием обоих писателей.

Ключевые слова: *Тургенев, Мериме, новелла, романтизм, «Il vicolo di m-ma Lucrezia», «Три встречи».*

О творческих связях Тургенева и Мериме и их интересе и уважении друг к другу писали неоднократно. Тургенев принадлежал к тем великим русским писателям (наряду с Пушкиным и Гоголем), которые вызывали незатухающий, часто восторженный интерес Мериме, увлеченно пропагандировавшего их творчество во Франции. Русские писатели, в свою очередь, очень высоко ценили его как создателя «произведений чрезвычайно замечательных» (Пушкин), «одного из тонко-умных повествователей» (Тургенев).

Хотя особое благоговение Мериме испытывал к Пушкину, наиболее тесные творческие и личные отношения связывали его с Тургеневым. В своем отклике (некрологе) на кончину Мериме Тургенев писал: «Лично я теряю в нем друга... Я постоянно с ним переписывался...» [4, т. 14, с. 212]. Исследователи неоднократно говорили о творческих взаимовлияниях Тургенева и Мериме, об их сходных воззрениях на искусство, находили отдельные близкие мотивы в их произведениях. Однако, по крайней мере, в нашем отечественном литературоведении еще не отмечено удивительное сходство сюжетно-фабульных и образных мотивов (отчасти – и жанровое соответствие) новеллы Мериме «Il vicolo di m-ma Lucrezia» и одной из самых поэтичных повестей Тургенева «Три встречи». Попытаюсь кратко представить это сходство.

Оба произведения представляют собой рассказы-воспоминания о ярком и таинственном эпизоде, случившемся с героями-повествователями в их молодости. В том и в другом случае это встреча с прекрасной женщиной, произошедшая во время путешествия в Италию: у Мериме – в Риме, у Тургенева первая встреча происходит в Сорренто. Герои-рассказчики поздней ночью идут по уединенной улице вдоль редких домов и тянувшихся оград садов.

Мериме: «Я шел довольно быстро и прошел уже с пол-улицы, как вдруг над головой у меня раздался шорох, тихое “ш-ш”, и в ту же минуту к моим ногам упала роза. Я поднял глаза и, несмотря на темноту, разглядел у окна женщину в белом, протянувшую ко мне руку» [1, с. 541].

Герой Тургенева сначала услышал, что «из одного небольшого павильона, надстроенного над самой стеной ограды, вдоль которой [он] спешил, раздался женский голос», поющий итальянскую песню, «и в звуках его было что-то до того призывное, он до того казался... проникнут страстным и радостным ожиданием,

что я тотчас невольно остановился и поднял голову. <...> Вдруг жалюзи стукнуло и распахнулось; стройная женщина, вся в белом, быстро выставила из окна свою прелестную голову и, протянув ко мне руки, проговорила: “Sei tu?”» [4, т. 5, с. 237]. Сходны облики незнакомок, их жесты и поведение. В обоих произведениях это прекрасная женщина в белом, которая, приняв героя за другого, окликает его, протягивает к нему руки и, поняв свою ошибку, мгновенно исчезает.

Аналогично страстное и упорное стремление героев-рассказчиков проникнуть в тайну старого дома и ее обительницы (в повести Тургенева это более относится ко второй встрече, в России) и столь же упорное нежелание хранителей (сторожей) домов – Лукьяныча и старухи, похожей на колдунью, эту тайну открыть. Близки описания старой усадьбы (у Тургенева) и дома № 13 в переулке госпожи Лукреции (Мериме), в которые героям наконец удается проникнуть и которые поражают своим запустением и нежилым видом: «Мы вошли в темный коридор, куда выходил ряд низеньких комнат. <...> Запах плесени ... ясно показывал, что в них давно никто не жил. <...> Ключья старых кожаных обоев свисали с отсыревших стен» [1, с. 544]. «Мы вошли в дом. Он весь состоял из пяти-шести низеньких комнат, и, сколько я мог различить при слабом свете, скупно струившемся сквозь трещины ставень, мебель в этих комнатах была весьма простая и дряхлая. <...> Ни по чем нельзя было заметить, что из этого дома недавно выехали люди; в нем и пахло чем-то мертвенным и душным – нежилым» [4, т. 5, с. 250]. И только (опять-таки сходная деталь!) белеющая на полу бумажка (обрывок письма по-французски) в повести Тургенева и несколько свежих розовых лепестков (в новелле Мериме) выдают недавнее присутствие красавицы.

Мотив тайны и странных совпадений, пронизывающий оба произведения, разрешается лишь в самом конце, придавая таким образом их сюжету драматическую остроту и напряженность. Своеобразной параллелью к включенным в новеллу Мериме слухам и рассказам об ужасных, кровавых преступлениях, совершившихся некогда в доме Лукреции Борджа (где теперь якобы обитает незнакомка), являются в повести Тургенева страшные видения и самоубийство старика Лукьяныча, – а как результат – чувство суеверного страха, испытываемое обоими рассказчиками. Пуля, полученная героем Мериме из окна таинственного дома, также имеет некое соответствие со странным сном тургеневского героя, в котором его ранит в грудь Лукьяныч (он же Дон-Кихот), преграждающий путь к красавице. В обоих произведениях героини-рассказчицы жаждут счастья, но им выпадает роль не участников любовной истории, а лишь ее свидетелей (у Мериме в конце новеллы – еще и «наперсника»).

Можно было бы привести еще ряд соответствий. Их обилие говорит о том, что они вряд ли случайны. Возможно, что одно произведение было навеяно другим. Но здесь как раз и кроется загадка. «Три встречи» вышли в свет в 1852 г., создавалась повесть, скорее всего, в 1851 году. Новелла Мериме была впервые опубликована в 1873 г., уже после смерти писателя. Но рукопись, подаренная им *m-me Odier*, датирована рукой автора 27 апреля 1846 г. [6, р. 11]. Найти какие-либо достоверные сведения о работе Мериме над новеллой, по-видимому, не представляется возможным, так как весь архив писателя погиб во время пожара в его парижской квартире в 1871 году.

Если дата «1846» не очередная мистификация Мериме, то говорить о влиянии тургеневской повести на замысел его новеллы не приходится. Но и влияние Мериме на Тургенева в данном случае очень проблематично, ибо писатели познакомились в 1857 году, их дружба завязалась именно с этого времени. Во Франции «Три встречи» были опубликованы в 1859 году. Конечно, нельзя исключить предположения, что новелла Мериме в рукописи могла быть известна в парижских литературных кругах, в том числе и близких Полине Виардо. В этом случае Тургенев мог

познакомиться с содержанием «Il vicolo...» во время своего длительного пребывания во Франции в 1847–1849 гг. Но это только предположение, доказать которое в настоящее время не представляется возможным.

Таким образом, тайна не только является сюжетным элементом обоих произведений, она окутывает и историю их создания.

Как бы то ни было, сравнительное рассмотрение обнаруживает и пока необъяснимое сходжение (я бы даже сказала, некое творческое сомыслие), и глубочайшее своеобразие, различие художественных манер авторов. В данной статье представляется уместным связать последнее обстоятельство с вопросом о роли романтизма в их творчестве.

Новелла Мериме, как и многие его произведения, тронута дыханием романтизма. Выше уже говорилось о ее таинственной атмосфере и системе странных совпадений и недоразумений. Мериме-писателя влекли не только человеческие страсти, но и сфера загадочного, иррационального, непознанного, в связи с чем в его творчестве появлялись фантастические новеллы («Венера Илльская», «Локис», «Джуман»). Заслуживает внимания тот факт, что Мериме перевел на французский язык некоторые «таинственные повести» Тургенева («Призраки», «Собака»). Вместе с тем, как справедливо отмечают многие исследователи, новеллистика Мериме испытала большое воздействие прозы XVIII в., и это сказалось в манере суховатого, динамичного, часто ироничного повествования, лишённого лиризма, пейзажных картин и психологических длиннот. Тургенев писал, что Мериме «дорожил правдой и стремился к ней, ненавидел аффектацию и фразу, но чуждался крайностей реализма и требовал выбора, меры, античной законченной формы. Это заставляло его впадать в некоторую сухость и скупость исполнения, и он сам в этом сознавался в те редкие мгновения, когда позволял себе говорить о собственных произведениях» [4, т. 14, с. 213]. Со своей стороны Мериме, восхищаясь талантом Тургенева, видя в нем тонкого наблюдателя, знатока человеческого сердца, отмечая «ювелирное искусство описаний», усматривал в его произведениях и некоторые «излишества» и длинноты: «Иногда он слишком долго останавливается на описаниях, несомненно верных, но требующих большей краткости; он стремится передать тончайшие оттенки, но эта работа, достоинства и трудности которой я не могу не признать, замедляет и ослабляет развитие действия» [2, с. 85]. Считая возможным говорить о романтизме Мериме, Жан Фрестье определял его как «строгий романтизм без всякой лирики и без интеллектуальной экзальтации любви» [5, с. 26].

Что же касается творчества Тургенева, то его связи с романтизмом были глубже и органичнее. Как уже неоднократно отмечалось, романтизму Тургенев обязан формированием многих своих философско-нравственных и эстетических убеждений. Творчество Тургенева развивалось не как отрицание, но, напротив, как все более глубокое, «внутреннее» усвоение романтических идей и принципов, их органическое включение в его эстетику и художественную систему. Если 40-е годы, начиная с их середины, оказались по хорошо известным причинам философского, идеологического и литературного порядка (влияние Белинского, натуральной школы и т.д.) наиболее «антиромантическим» периодом в творчестве Тургенева, то с начала 50-х годов происходит своего рода «поворот» к эстетическим и художественным заветам романтизма. Наиболее ярким выражением этого движения, на мой взгляд, стала повесть «Три встречи». Обращение к сюжету, возможно, навеянному Мериме, способствовало активизации романтического начала в тургеневской прозе. «Три встречи», несомненно, более романтичны, чем новелла Мериме, где все загадки полностью разъясняются, не оставляя никакого мистического, иррационального привкуса. Хотя реальность

обошлась с героем не очень доброжелательно, конец вполне благополучен. В тургеневской повести, уж не говоря о ее трагическом финале, «мерцание» тайны остается, здесь развивается, по сути, романтическая мысль о незримых, загадочных связях между различными человеческими существованиями, о роли «странного» случая, который трижды столкнул героя с прекрасной незнакомкой и сделал его невольным свидетелем трех вершинных моментов ее любви и судьбы.

В создании поэтической и лирической атмосферы, которая составляет удивительное очарование «Трех встреч», большое значение имеет образ героя-повествователя. Если у Мериме это молодой человек, прибывший в Рим с мечтой о развлечениях и галантных приключениях, то в герое Тургенева есть многое от романтического энтузиаста. Он не столько «охотник» (хотя внешне повесть как будто примыкает к знаменитому тургеневскому циклу), сколько романтический странник, ищущий идеал. Образ прекрасной женщины, случайно встреченной в Сорренто, продолжает жить в его душе («Я тогда же почувствовал, что этого лица я ввек не забуду» [4, т. 5, с. 237]). В отличие от героя Мериме, он ни на минуту не сомневается в том, что сердце незнакомки отдано другому, что она любима и счастлива. Но ее образ возбуждает в нем страстную тоску по собственному счастью и любви. И через два года легкой ночью в глуши России он полон томленья, ожидания и как бы предчувствия новой встречи: «Сердце во мне томилось неизъяснимым чувством, похожим не то на ожиданье, не то на воспоминание счастья; я не смел шевельнуться, я стоял неподвижно пред этим неподвижным садом, облитым и лунным светом и росой...» [4, т. 5, с. 235].

Мотив «чужой любви» и счастья, прошедшего мимо, вызывает в конечном итоге у повествователя Мериме ироническое отношение (правда, с налетом легкой грусти). Участие в таинственном приключении, героем которого оказался не он, а дон Оттавио, в то время как сам он чуть горько не заплатил за всех, поставило его в трагикомическое положение, и отсюда ирония и самоирония пронизывает его рассказ. Тургенев писал о Мериме, что «в нем с годами все более и более развивалось то полунасмешливое, полусочувственное, в сущности глубоко гуманное воззрение на жизнь, которое свойственно скептическим, но добрым умам, тщательно и постоянно изучавшим людские нравы, их слабости и страсти» [4, т. 14, с. 213]. Эту пронизательную характеристику вполне можно отнести к «Il visolo...». В повести же Тургенева, по справедливому наблюдению В. Брюсова, комическое слито с печальным и трогательным, и «на фоне самой прозаической родной действительности выступают самые тонкие поэтические контуры» [3, с. 179]. Герой-рассказчик незаметно превращается в *лирического героя*, в высокой степени отражающего авторское сознание. Благодаря этому в повести звучит чрезвычайно характерный и значимый для Тургенева мотив, идущий от романтиков, от Жуковского – мотив *прикосновения красоты*, встреча с которой, несмотря на ее мгновенность и трагический исход, озарила жизнь героя, и отсюда элегическая грусть рассказа: воспоминание сочетается с восторженной патетикой.

Построенная по классическому ренессансному образцу, новелла Мериме отмечена крайней сдержанностью, скупостью психологического рисунка, почти полным отсутствием пейзажных зарисовок. «Тайный психологизм», уже явственно обозначившийся в «Трех встречах», дает глубокое представление о духовном мире личности. Как заметил тот же В. Брюсов, «фигуры двух влюбленных намечены только штрихами, намеками, – но этих намеков совершенно достаточно, чтобы восстановить не только характер, но и все перипетии их романа» [Там же]. Смутное, томительное душевное состояние рассказчика, его неопределенные и страстные порывы передаются через лирический пейзаж (один из самых поэтичных в творчестве Тургенева). Картина летней ночи в старой усадьбе, «вбирая» в себя настроение

героя, становится романтическим «пейзажем души». Упорное стремление рассказчика поникнуть в тайну незнакомки имеет совсем другую природу, чем в новелле Мериме. В повести происходит встреча двух душ, по-видимому, созданных друг для друга, но героиня, отдавшая свое сердце недостойному, этого не понимает. Маленькая повесть Тургенева устремлена к художественному воплощению глубинной философской и психологической проблематики.

Таким образом, произведения Мериме и Тургенева оказываются глубоко различными вариациями на близкую тему. И если истории их создания действительно как-то связаны, то способы почти контрастного художественного решения сходного сюжета могут указывать и на сознательные полемические намерения авторов по отношению друг к другу, на их эстетический спор-диалог, что было весьма характерно для искусства, связанного с романтическими традициями.

Список литературы

1. Мериме П. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. Новеллы и повести. М.: Худож. лит., 1956. 639 с.
2. Мериме П. Статьи о русской литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 112 с.
3. Тургенев и его современники: сб. статей. Л.: Наука, 1977. 286 с.
4. Тургенев И. С. Полное собр. соч. и писем: в 28 т. Т. 5: сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 659 с. Т. 14: сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1967. 579 с.
5. Фрестье Ж. Проспер Мериме. М.: Радуга, 1987. 314 с.
6. Mérimée P. Derniers nouvelles. Paris, 1929.

I. S. TURGENEV AND P. MERIMEE. SOME FEATURES OF CREATIVE CONTACTS

I. V. Kartashova

Tver State University
the Department of the history of Russian literature

The surprising similarity of Merimee's novel "Il vicolo di m-ma Lucrezia" and Turgenev's novel "Three meetings" is showed in this article. This similarity remains a literary mystery. It is possible to explain it by the creative "co-thinking" on the part of of both writers.

Keywords: *Turgenev, Merimee, novel, romanticism, "Il vicolo di m-ma Lucrezia", "Three meetings".*

Об авторе:

КАРТАШОВА Ирина Вячеславовна – профессор, доктор филологических наук, зав. Научно-образовательным центром комплексного изучения проблем романтизма Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Drian@list.ru.

About the author:

KARTASHOVA Irina Vyacheslavovna – doctor of Philology, professor, head of the Scientific and educational center of integrated studies of romanticism, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Drian@list.ru.